

Елена Богатырёва

МАЛЕНЬКИЙ АД ДЛЯ ДВОИХ



Елена Богатырёва

Маленький ад для двоих

«Издательские решения»

Богатырёва Е.

Маленький ад для двоих / Е. Богатырёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853032-6

Если ты встретил женщину своей мечты при очень странных обстоятельствах — хватит ли у тебя смелости впустить ее в свою жизнь? И когда ты смотришь в ее глаза, что же в них все-таки светится — настоящие слезы или настоящее сумасшествие?

ISBN 978-5-44-853032-6

© Богатырёва Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маленький ад для двоих

Елена Богатырёва

© Елена Богатырёва, 2017

ISBN 978-5-4485-3032-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1

Он проснулся в шесть утра и почувствовал: что-то не так. Чего-то не хватает. Вздохнул и сразу понял. Ну, конечно же, она все-таки закрыла форточку. Черт бы ее побр... Вот что значит – женщина в доме. Вот так все и начинается. Сначала она закрывает форточку, когда тебе позарез нужен свежайший весенний воздух, потом – выключает телевизор, когда Деми Мур начинает расстегивать блузку, и пытается проделать тот же трюк кустарным способом в домашних условиях. А потом вообще заводит в доме свои порядки.

Ему стало не по себе. Он открыл форточку и подставил лицо ветру, который тут же ворвался в комнату и закружился, как щенок, допущенный наконец к хозяину. Там, за окном, стояла весна. Она бесстыдно выставляла напоказ асфальт, выбивавшийся местами из-под снега, вела себя как девушка, скинувшая теплое бесформенное пальто и оказавшаяся непозволительно юной, тоненькой, в прозрачных чулочках... Он чувствовал, что совсем не по возрасту ему эта девочка, что она выберет и закружит кого-нибудь помоложе, с кем интереснее, но каждый день сердце его сжималось, когда он выходил из подъезда и сталкивался с ней лицом к лицу. С каждым днем девочка взрослела, становилась все женственней, и таинство любви вот-вот должно было ей приоткрыться. Он следил за ней, как заботливый отец, нет, уже как старший брат, нет, все-таки как друг старшего брата.

В разгар зимы, когда от девочки-весны еще не было даже вестей, он решил, что пора обзавестись семьей: тридцать пять – это уже последний шанс, когда одной ногой стоишь в шеренге бобылей, а другой метишь в ряды тех лысоватых граждан, которым девушки улыбаются только за деньги. Поэтому он репетировал с Таней их будущую совместную жизнь. Позволял ей иногда готовить и открывать дверь его квартиры собственными ключами.

В принципе она не злоупотребляла его доверием. Не рвалась на кухню, как это случается с женщинами, мечтающими о замужестве, не капризничала и не впадала в разные женские настроения в зависимости от фаз луны или направления ветра.

Но все-таки Ка не спешил делать ей предложение. (Странным именем Ка прозвала его в детстве Галка. Николай класса до пятого был толстоват, и поэтому его часто дразнили. Однако Галка к его недостатку отнеслась уважительно: «Он же – питон! – радостно разъясняла она одноклассникам. – Настоящий питон. Как в „Маугли“, помните – Ка-а-а».) Жены друзей, за которыми он наблюдал, в одном были парадоксально похожи: они старательно прибирали мужей к рукам. Способы были разные – цель одна. Исподволь, ласково или требовательно и напористо, но они неуклонно шли к своей цели. И друзья сдавались. Кто-то сразу, кто-то через несколько лет, устав от бесполезной борьбы. А после этого их взгляд становился отрешенным и у каждого появлялась одна и та же дурацкая привычка: они смотрели в окно. Они смотрели в окно бесцельно, и вряд ли сами сознавали это. Замечая такой взгляд, Ка понимал, что вот и в этой душе уже укоренилась женщина... Это было похоже на смертельную болезнь. Поэтому он не торопился умирать...

Он посмотрел на Таню, та только поежилась во сне и закуталась в одеяло чуть ли не с головой. И тогда ему стало страшно. Вот так она войдет в его дом, и больше никогда не будет весны в прозрачных чулочках. Она устроит здесь душный семейный очаг и заставит его дышать подпаленной свободой, которую станет сжигать в камине вместе с дровами. И так день за днем, день за днем...

Ну нет, спать больше не хотелось. Вчера вечером он обнимал ее, представляя, что это и есть девочка-весна, манящая, притягательная, сладкая. В комнате кружился запах черемухи, а когда он засыпал, щеки поглаживал ласковый ветерок.

А она, выходит, встала ночью и перекрыла ему кислород... Нет, спать не хотелось. Он потихоньку оделся и, украдкой поглядывая на Таню, вышел. У подъезда постоял немного и задумался: куда? Девушка-весна уже была тут как тут, и внутри что-то сладко заныло. На природу, решил он, поближе к юной особе. И отправился в сторону стоянки.

2

Ветер метался в машине. Ка вспоминал спящую Таню и думал о том, расстроится ли она, когда проснется. Или не расстроится? Она не выражала эмоций, как его предыдущие подруги. Он не любил эмоциональных женщин. Громкий голос, слезы, смех – все его раздражало. Он вообще довольно брезгливо относился к женщинам. Лучший друг Артем, смеясь, говорил, что Ка требует от женщин полной стерильности: тела, души, мыслей. И наверно, был прав, потому что любое отступление от этого правила тут же рождало в нем неприязнь, граничащую с отвращением. Его раздражали феминистки, рвущиеся к свободе, с которой совсем не знали что делать. Была у него такая подружка. Он терпел ее ровно три дня, которые она умудрилась превратить в вереницу бесконечных споров ни о чем, демонстрацию своих обкусанных ногтей и драных домашних джинсов. Воздух его комнаты навеки пропитался табачным дымом и вибрировал от одного воспоминания о ее напористых речах. Ка раздражали и домашние кошечки, которые после первой же совместно проведенной ночи давали всем предметам уменьшительно-ласкательные имена, наряжались в халатики и строили совместные планы на будущее.

Таня подходила ему больше всех. Она не цеплялась за него из последних сил, не обижалась, если он отменял встречу, честно признаваясь, что хочет побыть дома один. У нее были длинные светлые волосы, она всегда держалась ровно и двигалась плавно, не делая резких движений. Ка приглядывался к ней, пытаясь понять, что она чувствует или о чем думает. Есть ли вообще у нее душа. Но потом вспоминал о тех сюрпризах, которые преподносили ему бывшие душевные подруги, и выбрасывал эти мысли из головы. Есть, нет – какая разница? В доме должно быть тихо, женщина не должна путаться под ногами.

Он мчался по Выборгскому шоссе со скоростью сто километров в час. Девочка-весна сидела рядом, не пристегнув ремня, и смотрела, как навстречу им бегут деревья. Он очень остро чувствовал ее присутствие. Внутри что-то барахталось, что-то детское, непозволительно мягкое, готовое непристойно всхлипнуть в любой момент. Нет, никакая Таня не сравнится с этой девочкой. Реальные женщины такими не бывают. Каждая из них прячет какой-нибудь изъян, каждая в своей душе таит этакий бездонный провал, куда со временем канет и ее любовь, и твоя душа, если ты не будешь благоразумен и осторожен.

Он ехал к деду. После смерти бабушки тот вот уже лет пятнадцать жил за городом. Сначала прикупил там ветхую избушку, а чуть позже Ка выстроил ему рядом двухэтажные хоромы со всеми удобствами. Каждый раз, приезжая, он выслушивал дежурный вопрос: «Где правнуки?» и так же дежурно отвечал: «Не родилась еще та женщина». Хотя вопрос этот деда действительно беспокоил, он не досаждал Ка советами, как все прочие. Дед вообще был необыкновенным. Он все время что-то читал, чем-то занимался, воспитывал трех собак, брошенных на произвол судьбы беспечными дачниками, перебирающимися к осени в город. Ка решил сказать ему про Таню. Интересно, обрадуется?

Все эти мысли не давали ему покоя вот еще почему.

В жизни часто случается так, что кем-то сказанные слова оказываются пророческими. И самое смешное, что слова эти чаще слетают с уст наших врагов, чем друзей. Предсказание кружится в нашей голове до тех пор, пока не обретает плоть и кровь, пока уже нет никакой возможности избавиться от него.

Месяц назад у них в фирме произошла революция. Настоящая революция, со знаменами и лозунгами, закончившаяся полным переворотом.

Стройные ряды революционеров в лице бывших одноклассников Артема и Галки собирались у него дома целую неделю, обсуждая детали «дворцового переворота». Все они работали в одной фирме вот уже десять лет. И все были ненормальными, считала жена Артема, потому что болели своей работой, как чумой. И если Артем при этом каким-то чудом успел обзавестись женой и двумя детишками, то только потому, что его соседке взбрело в голову выйти за него замуж. Посмотреть куда-то за пределы своего дома у него времени не было. Галка куковала в старых девах, но у нее всегда «был человек», которым никто из деликатности не интересовался.

И вот эти трое помешанных на своей работе написали заявления об уходе и ожидали решения высшей инстанции, то есть владельцев фирмы, которых никто никогда не видел. Хозяева жили за границей и в офисе появлялись раз в несколько лет. У руля фирмы стоял Старик. Годы его правления были наполнены сложнейшими интригами и постоянным напряжением. Он заставлял всех «держат ухом остро», относиться друг к другу с подозрением и разгадывать его сложные ребусы-распоряжения.

Старик был не то чтобы хитер, он обладал какой-то неприятно давящей силой, и Ка потребовалось десять лет, чтобы проникнуться отвращением к методам его правления и ведения дел. А методы были просты: «разделяй и властвуй». Он ведь даже их, закадычных друзей, пытался сравить. Они вспоминали, как Лиля – жена Артема – неожиданно перестала разговаривать с Галкой, и никто долго ничего не мог понять. Оказалось, Старик что-то такое сказал ей про Галку с Артемом, что-то неопределенное и вроде бы безобидное. Только вот Лилия после этого всю ночь рыдала, а потом целый месяц старательно избегала Галку. В конце концов они все выяснили, поревели вместе, расцеловались, но не успокоились. У всех осталось ощущение, что кто-то непозволительно и жестоко играет на их чувствах. Вскоре дело дошло до Ка с Артемом. Правда, их дружба выстояла, но несколько неприятных объяснений друг с другом они все-таки пережили. Терпение их лопнуло, они собрались в холостяцкой квартире Ка обсудить свои дальнейшие совместные действия и решили заявить протест.

Неожиданно невидимые заморские хозяева («Как в „Аленьком цветочке“»), – смеялась Галка) пошли им навстречу. Еще бы: они вдруг лишились руководителей центральных отделов и главного бухгалтера. Старика списали и вместо него временно назначили Ка. Ка разводил руками, а Артем с Галкой совсем обалдели от счастья.

И вот, когда Старик собирал вещи и тихо шипел, Ка все-таки сказал ему напоследок что-то типа «ваши методы устарели», а Старик метнул в него огненный взгляд, не померкший от времени:

- Вы еще слишком молоды, Николай.
- Мне тридцать пять.
- Годы мужчины исчисляются не прожитым временем, а пережитым. Думаете, вы сумеете быть принципиальным, честным, да?
- Я хочу быть объективным, как минимум.
- Весь мир держится на чувствах, на личных отношениях. Человеческое сознание – футбольный мяч, нужно только научиться играть им.
- Со своими сотрудниками?
- Сотрудниками... Это просто мужчины и женщины, плавающие в безбрежном океане собственных чувств. Найдите слабое место, сыграйте... Неужели вы думаете, что девочки из отдела сбыта перестанут быть женщинами, мечтающими о любви, только потому, что вы одели их в строгие деловые костюмы? Под этими пиджачками бьются сердца, жаждущие страстей и страданий... Вот энергия, которая будет работать на вас...
- Вы все это серьезно?

– А вы этого не понимаете, не видите?

– Меня это не интересует.

– Ах да, совсем забыл, извините...

Старик помолчал, а потом сказал то, что Ка теперь никак не мог забыть:

– Вам просто чуть больше повезло в жизни...

– В чем? Я вас не понимаю.

– Вы просто еще не встретили женщину.

– Ну, – усмехнулся было Ка.

Но Старик перебил его:

– Настоящую женщину. Вашу женщину. Да не ту, которую осмотрительно выберете сами, а ту, которую неосмотрительно выберет для вас судьба. И вот тогда, тогда ваша броня приобретет мягкость воска, и вы начнете проигрывать...

Старик замолчал, и Ка тоже ничего ему не ответил.

Он действительно не встретил... А Старик, выходит, встречал? И что такое там вспыхнуло в его глазах?..

И тут он резко затормозил. На обочине лежал человек. Сердце куда-то ухнуло, машина остановилась.

Он уже практически подъехал к дому. Дорожка вилась в лесу, соседей у них было мало, да и не приехали они еще, не сезон.

Сердце лихорадочно барабанило. Труп или просто пьяный? А может быть, сердечный приступ? Он вышел из машины и на ватных ногах подошел ближе. Женщина. Молодая. Он наклонился пощупать пульс, коснулся ее руки, и в этот момент она открыла глаза.

3

Любовь – это копия мироздания. Никто не знает, где она начинается и приходит ли ей когда-нибудь конец. Маленький мир имеет свой маленький рай, в куцах его влюбленные дышат счастьем, которого нет в большом нашем мире. Но есть там и маленький ад, куда непременно попадает только кто-то один. Никто не знает, когда ему предстоит попасть туда. И сколько бы раз там ни бывал, все равно как впервые...

Есть бедолаги, попадающие туда навечно. Просто в какой-то момент обрушивается мост сознания, и ты тонешь, и воды смыкаются над головой. Это ад не огня, но – воды. Душа утонула от мук и печали. Ты тонешь, ты тонешь, ты бесконечно тонешь. Но все еще живешь, все еще чувствуешь, хотя нет больше сил. Мозг все еще мечется в поисках выхода, которого не существует. Сначала лихорадочно и настойчиво, хватаясь за иллюзорные соломинки, оказывающиеся на поверку только солнечными лучами в соленой воде. Потом вяло вздрагивая, уповая на подводные течения.

Но тих и недвижим этот маленький ад. Гаснет солнце над головой, и воды мутнеют. Ты больше не можешь ни вымолвить слова, ни вздохнуть, ни согреться. Руки вскинута вверх, словно в замысловатом танце. И ты безвольно опускаешься на дно, куда-то на самое дно, до которого почему-то никак невозможно добраться, – чтобы сердце умолкло, чтобы биться перестало в ритме одного только имени, которое произносить все равно бесполезно.

Но неожиданно воды начинают выталкивать безвольную душу, и ум, словно после наркоза, не сразу в состоянии уловить переход из одного мира в другой. Воды над головой расступаются, и в сером утреннем свете мерещится чье-то лицо.

– Я жива?

– Вот и я хотел поинтересоваться...

– Мы где?

– В лесу.

– Навсегда?

– Ты что, под наркотой?

Женщина поворачивает голову, словно собака, услышавшая незнакомую команду. Ка берет ее руку и смотрит вены. Нет, следов от уколов не видно. Спиртным тоже не пахнет. А женщина между тем смотрит на него, словно новорожденный ребенок на мать. На щеке прилипшая травинка. Он еще думает, кто она – пьяница, наркоманка, – но почему-то неуверенно звучат в голове эти слова, он не чувствует отвращения. А внутри разливается что-то теплое, как будто действительно спас ребенка, но, черт побери, нормальные женщины не валяются в лесу у чужих домов.

– Ты куда-то шла?

И с какой стати они вдруг на «ты»...

– Нет.

– А откуда взялась?

– Из ада.

Совсем дурочка! Плюнуть и уйти. Но он уходит. А она все смотрит, как будто раньше вовсе не видела людей. И вдруг ему стало смешно! Смех щекотал, царапал тихонько сердце.

– Пошли.

И он подал ей руку. Она встала и посмотрела на машину.

– Твоя?

– Моя.

– Белый мерседес, как белый пароход, – она вся дрожала и говорила теперь сквозь зубы, а зубы стучали.

– Держи, – он бросил ей на колени одеяло, и они отчалили от страшной пристани.

Она оглянулась: там, за спиной, оставался маленький ад. Но ее оттуда увозят.

4

– Дед! – закричал Ка с порога. – Смотри, что я тебе привез.

А дед уже бежал по ступенькам вниз, мягко шлепая тапочками, поправляя очки на носу. Спустился и замер.

– Здравствуйте!

И дед смотрел на нее так, будто никогда не видел людей. Это было утомительно. Ка вдруг подумал, что они втроем как с луны свалились, нет, с трех разных лун, – и встретились.

Дед не спросил, кто она, откуда и почему в одеяле... Дед ничего не спросил. И почему у нее травинки в волосах, а внук смотрит на нее, словно впервые увидел. Дед посадил их за стол на веранде, поставил большой самовар, поджег березовые лучины, принес в прозрачной вазочке мед, где застыла оса, словно в янтаре. И она посмотрела, и во взгляде скользнуло что-то, будто узнала, но тут же погасло.

– Как тебя зовут?

– Неля.

Ну что с ней поделаешь? Ей наливают чай. Руки у нее дрожат. На дымящийся дедов напиток, с душицей, с бергамотом, смотрит тоже – словно впервые. Инопланетянка – не меньше. Потом пьет. Зажимая зубами краешек чашки, закрывая глаза, глотая. Как будто никогда этого раньше не делала. А потом опять смотрит, удивляясь, что осталась жива после этого глотка. И улыбается. Снова глоток, и уже чуть не смеется. Ненормальная?

Черт побери, как же он сразу не подумал об этом? Нужно поговорить с ней еще, наверняка сумасшедшая, ведет себя как...

– Что думаешь делать дальше? – спросил он тихонько, как заговорщик, пока дед шлепал в погреб за малиновым вареньем.

– Ничего.

– Куда пойдешь?

– Никуда.

– У тебя родные есть?

– Нет.

– Но ты ведь где-то жила раньше?

– Да.

– Хочешь вернуться туда? – осторожно спрашивает Ка, уже отчетливо представляя зарешеченные окна психиатрической лечебницы.

– Нет!

Это что там, мольба в ее взгляде? Ужас? Стихийное бедствие?

– Ну и хорошо, и не надо, – быстренько отвечает он, пока взгляд ее не разросся, пока этот ужас не захлестнул всю веранду.

Точно сумасшедшая! Нужно сообщить куда следует.

– Я сейчас, – он идет к деду.

...А у деда глаза сияют, как в престольный праздник. Дед кряхтя выбирается из погреба с маленькой заветной баночкой. И Ка понимает, что дед ему уже не помощник. У деда цель – накормить ее вареньем, а не сдать врачам в голубых халатах.

– Дед, я ее нашел.

– Ага.

– У дома нашел.

– Угу.

– Думал, мертвая...

– Нет, она живая.

– Сам вижу. И что теперь?

– Пусть чайку попьет, отогреется, – дед спешит на веранду, но пятится и закрывает двери, выгалкивая внука.

– Спит.

– Ну?

– Пусть поспит.

– А дальше?

– Как захочет.

– Дед, она странная...

– Все мы странные.

– Может, позвонить куда следует?

– А куда следует? – дед сдвигает брови.

– Хорошо, что нам с ней делать?

– Ничего не надо с ней делать. Она ведь живая.

– Слушай, а ты тоже странный.

Дед идет на веранду, подтыкает Неле одеяло, укрывает вторым. И возвращается просветленный.

– Значит, нашел, говоришь? – лукаво смотрит на внука.

– Нашел.

– Прямо как в сказке.

– Как в дурном сне.

– Значит, она твоя находка...

– Что ты говоришь?

Неля вскрикивает во сне громко и протяжно, как птица, дед и Ка врываются в дверь, словно два рыцаря расправляют плечи, оглядывают пристально веранду. Но ничего не нахо-

дят. Она не проснулась, только брови сошлись на переносице, только крепче стиснуты зубы и скрюченные пальцы рук вцепились в одеяло. Дед подходит к ней, садится и гладит по голове.

– Ничего, все пройдет.

И проходит. Разжимаются пальцы, разглаживаются складки между бровей. И что теперь? Она улыбается тихонько, почти незаметно.

Она живет! Мутные воды схлынули, янтарь раскололся, и пчелка вылетела из него цела и невредима. Она кружится над цветами черемухи, ее мед еще не собран...

Ка ехал домой молча. Его практичный ум не подавал реплик, не советовал, как поступить с этой странной находкой. «Пусть живет, – решил он уезжая. – Это полная ерунда, но пусть живет». И всю дорогу с ним была тишина. Тихо было внутри. Все смолкло и не желало обдумывать происшедшее. Он желал, а оно – там, внутри, – не желало. Тогда он решил, что оно разумней. А потом подумал, что с ним тоже творятся странные вещи...

5

– А вот и виновник! – захохотал Артем, встречая его на пороге. – Ты уж извини, мы нагрянули, а тебя нет, нас Татьяна впустила.

Вышла Таня, робко улыбаясь, и Ка, прорывая внутреннее молчание, спросил:

– Что-то случилось?

– Ты теперь наш директор, а не просто и. о. Вчера вечером пришла телеграмма от хозяев невидимых. Обмыть не мешало бы!

По комнате скакали дети Артема, а жена хлопотала на кухне. Галка на балконе курила, Лиля ее к кухне близко никогда не подпускала, потому что Галка все только портила.

Таня сервировала стол под Лилиным руководством, улыбалась и заглядывала Ка в глаза.

Наконец он обрадовался всем и их затее, расслабился, присел и собрался, рассказать о своей находке:

– А я тут...

Но внутри замолчало и вздрогнуло что-то. И он потерял над голосом власть. Он хотел рассказать, а внутри что-то сдавило. «Не смей, – говорило оно. – Это только мое. И ничье больше».

– ...к деду смотался с утра пораньше, давно не навещал старика.

Потом пировали, говорили о работе, дети скакали вокруг и трещали без умолку. Было не разобрать. Только Лиля как-то понимала их и совала бананы, сок, бутерброды. И дети на минуточку смолкали, а потом опять принимались шуметь, как голодные скворчата. Ка вдруг заметил, что у девочки чудный взгляд, и у мальчика тоже. Где он видел такой? Он ведь сегодня такой уже видел...

Когда все разошлись, они остались с Таней вдвоем. Она была милой, очень милой, и он погладил ее по щеке. И она посмотрела удивленно. И они потом целовались, и кружил их весенний ветер. Жаль, что форточку не открыть было шире. Ка было мало воздуха, ведь где-то был целый океан воздуха. И он уснул, крепко прижав к себе Таню, словно девочку-весну, которую так боялся потерять. Ведь весна всегда сменяется летом, а потом идут холодные скучные осенние дожди...

Глава вторая

1

«Как растение, – думал дед. – Как растение». Сначала спала несколько дней. И к еде не притрагивалась. Дед стал варить бульоны, наливал понемногу, и она понемногу ела. И тоже – как будто впервые. Так ест человек, отвыкший от еды. Который – чем же питался? Своими слезами? Потом она стала выходить из дома. Выйдет и смотрит на березы, на травы, росой блестящие, на дедовы грядки. Сядет на лавочку, зажмурится на солнце.

Точно как жена его после больницы, после той операции, которая все равно не спасла ее, но было какое-то время, когда надеялись, что все обернется хорошо. Полина выходила, садилась на ту же лавочку, щурясь на солнце. Пока солнце ее, да и его не закатилось вместе с ней. Чем же ты, девочка, болела? И обернется ли все для тебя хорошо, когда наберешься ты сил? А может, и тебя сломит неведомый недуг, совсем другой, возможно, но такой же, должно быть, страшный, раз ты сейчас учишься заново жить.

На плечо деда легла легкая рука. Полина. Нет, конечно же, Неля. Но такая же легкая была рука. Почти невесомая.

– Можно, и я?

Можно, конечно. Дед встал с грядки и принес ей лопатку, и вместе они стали зарывать зерна редиски в землю. Чтобы там обогрелись, напитались силой и проклюнулись нежными всходами. Неле нравилось, словно игра детская. Ведь когда ты живешь, все равно во что играть.

Пусть живет, думал дед. Вот и Полина жила бы, если бы... Но ее невозможно было спасти, Полину. Рак сжигает человека быстро. А эта девочка так молода. Дед уже не видел разницы, что шестнадцать, что тридцать шесть. Все равно – так молода, сколько бы лет ей еще ни было. Пусть живет.

Неля плавала поначалу, будто тень, вдоль ограды, никогда не заглядывая через забор. Раз взглянула и отшатнулась: там стояли темные ели стеной, свет не пробивался сквозь их мохнатые лапы. Сыростью пахло оттуда, и темное что-то клубилось у самой земли. И лоб снова избородили морщинки. Дед взял за руку ее тогда, повел к березкам. Сделал надрез на коре и вставил трубочку. Через несколько секунд закапал прозрачный сок. Он Неле протянул трубочку; засмеялась, припала губами.

А то сядет на лавочку вечером, смотрит в косматые ели и задумается. Уже без страха, без отчаяния смотрит на черный, клубящийся в их корнях туман. И во взгляде сквозит что-то вспомнившееся из прошлой жизни. А какая у нее была жизнь?

Не все ли равно, думал дед, если человеку теперь все приходится заново... Хоть какая – пускай. Главное, что кончилась, прошла. «Но вот только прошла ли?» – думал он. Так приглядывается она к черным елям, словно это враги, словно месть она вынашивает, строит зловещие планы.

Через неделю вся выпрямилась, как прибитая к земле трава выпрямляется после грозы. Выпрямилась, наливаясь неведомой силой. Стала выходить гулять в лес. Дед брал с собой. А потом – и одна. Только темные ели все время стороной обходила. Что-то еще пугало ее, какие-то воспоминания пробуждало.

Прибираться стала в доме, за водой родниковой с дедом бегала, а по вечерам играла с ним в карты. Он рассказывал ей про свою очень долгую жизнь, где и как, что и много ли, только все про Полину выходило, все про Полину. И глаза у деда тогда сияли, как молодые. А портрет со стены улыбался ему, словно в ответ...

2

Ка не мог рассказать никому про свою находку. Да и сам вроде бы забыл о ней. Так ему сначала казалось. Захлестнула работа, реальность. Даже ездил однажды к деду, продукты возил, – видел Нелю лишь вскользь.

– Все живет?

– Пусть живет, мне веселей.

– А кто она? Откуда? Узнал?

– Да не все ли равно.

– Дед, ты же не будешь за ней всю жизнь ухаживать?

– Долго ли мне жить-то еще...

– Может, ее домой отвезти? Дом у нее есть?

– Захочет – сама уйдет.

Уйдет. Действительно, не навеки же с дедом останется. Уйдет когда-нибудь. Если помнит, куда ей идти.

Времени не было дольше беседовать с дедом, разглядывать Нелю. Что-то в ней изменилось, он заметил, другой она стала. Но лучше ли? Стала более будничной. Не находкой, но кем?

– В два у меня встреча, я поехал.

Ехал назад и думал о том, как это все странно. У него в загородном доме живет незнакомая женщина. Он сам привез ее туда, и она там живет. Получается, что она теперь его немножко. Смешно.

Целый день он крутился, люди мелькали, работа переполняла азартом, и все получалось. А вечером позвонила Таня, она заболела, не придет. Он спросил, не нужно ли чего? Не приехать ли к ней?

– Нет, нет, нет, еще заразишься. Потом позвоню. Не скучай.

И он остался один. И как-то само собой так получилось, что сел и задумался, глядя в вечернее небо. Да нет, не задумался, просто смотрел, как заходит солнце, как небо темнеет, и ни о чем не думал.

А когда очнулся, то понял, что бессмысленно смотрит в окно вот уже полчаса, и в холодный пот его от этого бросило. Все, хватит. Это наваждение какое-то...

Наваждением было и то, что Неля поселилась в его снах. Он не думал о ней, а она являлась каждую ночь в его сны. Он не знал ее, а она вела себя там так, словно целый век с ним знакома. Бред, просто бред. Снова он поехал к деду, присмотрелся к ней. Ничего особенного. Это не та Неля, не Неля из его снов. Она понятия не имеет о том, где каждую ночь блуждает ее слабая тень. Она не участвует в этом колдовском наваждении. Мысли на расстоянии не передаются, не может один человек влезть в сны другого вот так, без всякого желания и предупреждения. Вокруг – реальный мир, и нужно смотреть на него трезвым взглядом. И оценивать трезвым умом. Вон она ходит между грядок, реальная женщина между грядок с реальной редиской, с прозаической дурацкой редиской. Вот она оборачивается. И скользит по нему невидящим взглядом, и снова продолжает свой обход участка. Все бы ничего, если бы он не видел уже этого взгляда во сне. Точно такого же взгляда.

Он уехал и снова не знал: сны или явь колдовская преследуют его по ночам. А Неля приходила, как только он закрывал глаза. Стояла рядом, и жарко становилось от этого. И сердце умирало, не слышно его было совсем, а потом вдруг летело куда-то вниз, будто в пропасть.

Просыпаясь, он чертыхался, лез под холодный душ, никак не мог привыкнуть к этим снам. Да и кто она такая? У него есть Таня. Таня будет его женой. Таня была всегда рядом. Но Таня ему почему-то не снилась...

Ведь все равно, где ты и как, – главное, что ты живешь. Главное – воды расступились мутные и можно дышать безболезненно и легко. Но темные ели там, за оградой, напоминали обо всем, что с ней случилось. И вскрикивала она по ночам, и просыпалась на мокрой от слез подушке. И оживая, она стала все чаще и чаще задумываться, кто же виноват во всем, что с ней случилось?

Сама виновата. Конечно, сама. Но вот только... Темные ели... Как будто существует где-то на свете зло. Страшное зло, которое правит миром.

Но вот есть же дед, он из другого мира. Он из мира добра. Ей не повезло, она не в тот мир попала сначала... Только как же теперь ей выбраться?

Она ведь давно попала туда, и сколько зла сотворила сама, сколько принесла его другим. Нет, она все время чувствовала, что чья-то жесткая рука направляет ее, что она лишь марионетка. И не отпустила ее до сих пор эта жесткая рука. Значит, она и теперь может причинить боль. Кому? Деду? Внуку?

«Ни за что!» – думала она, и кулаки ее сжимались, и зубы сжимались до боли. Ни за что! Она освободится от жесткой руки, зло должно быть наказано. Но кто знает о нем, кроме нее? Кто накажет?

Сама, сама. Нужно только набраться сил и за все рассчитаться, за все! Но не сейчас, иначе она снова попадет за зарешеченные окна. Нужна твердая рука, ясное сознание, четкий план. Она станет сильной! И вот тогда, тогда... Он заплатит за все!

Неля начала бегать по утрам по лесным тропинкам. Останавливалась в самой чаще и дышала воздухом, который разливался от хвои в сосновом бору. Ей казалось, что с каждым вздохом она набирается мужества, становится чуточку сильнее. Но каждую ночь мутные воды все-таки захлестывали ее, все еще было живо в душе: безобразие ада и бесполезность молитв. Зло должно умереть! И пусть даже вместе с ней, если нужно. Пусть никто не посмеет ломать чью-то жизнь в угоду... чему? Капризам своим? Желаниям близких? Сыновней прихоти? Она еще была слишком слаба, чтобы раздумывать об этом спокойно. А может быть, прав был Старик и она просто сумасшедшая? И место ей за зарешеченными окнами? Может быть, в ней поселилось то самое зло? Она – его настоящий источник? Но тогда почему же так больно ей вспоминать о том дне, когда телефонный звонок убил в ней... Нет, нет! Зло в Старике! И она заплатит ему за все.

Неля вдруг почувствовала страшную слабость и упала на мхом заросшую землю. Что она делает? Ей не выбраться из этой паутины. Липкая паутина обволакивала ее мозг, словно Старик снова плел ее и Неля билась бессильно в ней, готовая сдаться. И снова почудились воды, смыкающиеся над головой. И тогда она вспомнила, как они расступились и показалось лицо. Обычное человеческое лицо. И просветлело небо.

Где-то около дома скрипнули тормоза. А вот и он. Когда он здесь, она успокаивается. Буря смиряется в ее душе. Становится тихо вокруг. Нет, она еще не сломлена. И снова бежит Неля, а ветки хлещут по лицу. Спокойно, спокойно. Медленно идет, стараясь отдышаться. Она не подходит к нему. Она не хочет утешить его в свой омут. Пусть живет. Она только побудет немножко рядом. Напитается этим покоем и этой силой. А потом она уйдет и, может быть, никогда уже никуда не вернется. Ни в этот тихий дом, ни в дом с зарешеченными окнами...

4

Таня выздоровела, и они снова проводили вместе вечера. Только Ка стал поглядывать в вечеряющее небо, а так все было по-прежнему.

– Ты как будто куда-то хочешь пойти и раздумываешь, не поздно ли.

– Что? – он очнулся.

– На работе сложности?

- У меня?
- Ты меня вообще слышишь?
- Да, родная, да...

Говорил слишком мягко, на себя не похоже, прятал голову у Тани на груди, пытаюсь отделаться от своих снов, укрыться, спастись. Только взгляд уплывал все куда-то к окну. Что-то там как будто манило, смеялось, убегало, зазывало броситься вслед.

- Извини, я, наверное, просто устал.

И она понимающе кивала, и не оставалась у него, уходила. А потом не спешила звонить. А он проводил каждую ночь в удивительных снах, над которыми больше был не властен. Но ему не нравились вещи, над которыми он был не властен. И тогда он взял чистый лист и написал сверху: «Неля – кто она?». И задумался. Неуравновешенная? Да. Красивая? Нет. Странная? Да. Сумасшедшая? Похоже. Он поставил вопрос в скобочках. Она нежная, добрая? Да. Агрессивная? Мухи не обидит. Сколько ей лет? Тридцать, плюс-минус. Так и запишем. Что с ней случилось? Сбежала от мужа? Тогда каким же он должен быть зверем? Напали на нее?

Он посмотрел на листок, скомкал его и стал собираться. Хватит! Хватит вопросов, на которые нет ответов. Нужно все выяснить. «Дед из ума выжил, и я туда же! Вот приеду и заставлю все рассказать. А то надо же: загадочная какая! Снится, понимаете ли, каждую ночь. Когда все прояснится, станет как все. Перестанет бродить по ночам в чужих снах». Он собрался и хлопнул входной дверью. А в квартире осталась тишина, и за окном – вечернее небо, почти совсем темное...

5

- Эй, не спите еще?
- Вышла Неля.
- Дед к соседу ушел. (Какой он тебе дед?)
- Ну что, поговорим?

Вот и кончились тихие деньки. Полетела волна, захлестнула.

- Садись-ка. И давай рассказывай, кто ты? Откуда? И как в лесу оказалась?
- Смотрит, только смотрит, дико, затравленно. Отступает в комнату. Он за ней.
- Ну, хватит! Почему бы не поговорить по-человечески?

Заметалась, ищет выход...

- Ну нет.

Он берет ее за руку, сажает на стул.

- Все, рассказывай. Хватит играть...

И не договаривает. Потому что Неля начинает кричать. Взгляд ее теряет ясность, пальцы рук скрючены, крик переходит в хрипы, она хватается ртом воздух, но его все равно не хватается ей. Тьма от елей за забором распространяется быстро в доме, становится темно, нечем дышать, Неля падает, липкая паутина накрывает ее, и она не в силах пошевелиться, неужели это конец?

- Что такое? – Прибегает дед.
- Отойди, – кричит он внуку, – отойди!
- Бежит на веранду за водой. Возвращается, расплескав полстакана.
- Тише, Неличка, тише, родная.

И к стучащим зубам стакан прижимает. Пытается разжать зубы.

- Неличка...

Ка становится страшно. Никогда он такого раньше не видел. А дед? Выходит, с ней уже были эти приступы. Он, кажется, знает, что делать, как помочь. Значит, все-таки – сумасшедшая. И мысли его уже где-то завертелись, где-то вокруг врача знакомого, точно – Тамара Петровна поможет, только вот она сейчас на конференции в Москве, вернется, кажется... Да что

это с ним? С какой такой стати он эту дурочку будет лечить? Кто она ему? Это ведь все только сон, наваждение... Но другой голос все бормочет и бормочет у него внутри про Тамару Петровну, про книжку по психиатрии, что стоит у него на полке, которую в руки ни разу не брал, почитать нужно, Достоевского перечитать, у него все такие, может, обойдется, бывает же, мало ли что...

– Уезжай, – говорит дед. – Не надо тебе тут, когда она проснется.

Ка выходит из оцепенения, а Неля уже спит на руке у деда, вздрагивая, всхлипывая. И он уезжает.

Вдоль дороги бегут фонари все быстрей и быстрее. Начинается дождь, где-то гром ухнул, рядом совсем, крупные капли тяжелые упали. Три тяжелые капли не удержала разбухшая дождевая туча. Сорваны ее легкие туманные запоры и потекли вниз потоки воды. Он включил дворники и те запели: тише, тише... Он отогнал машину на стоянку и вернулся домой весь промокший. И еще долго сидел и смотрел, как шумит дождь и как схлынули куда-то, провалились белые ночи, самые первые белые ночи...

Среди ночи он проснулся, там, во сне, еще гнался за ним Нелин крик по пятам. Она снова кричала, а потом задыхалась задушенно, и глаза становились стеклянными. Что с ней? Ну не может же быть, чтобы таким человек родился. Вот родился и кричит ни с того ни с сего диким голосом. Или может? Он взял с полки справочник по психиатрии, устроился поудобней в кровати, закурил и стал читать...

Глава третья

1

Ка всегда был дотошным, чего бы дело ни касалось. Вот и теперь. Он изучал психиатрию как студент, которому завтра сдавать экзамен. В ворохе психических заболеваний, симптомов и синдромов он выбирал что-нибудь подходящее для Нели. Так привередливо женщины порой выбирают платье, перемерив все, что есть в магазине, и каждый раз придирчиво качая головой: не то! Что им надо – сам черт не разберет. Они этого не знают. Только им кажется, что, примерив *то*, они тут же узнают его. А потом им кажется, что так же они узнают и свою любовь, стоит ей только показаться на горизонте, и своего ребенка из тысячи новорожденных младенцев. Но ведь у многих женщин, как известно, нет вкуса. Не значит ли это, что не узнают они никогда ни то самое платье в супермаркете, ни свою любовь, ни розовошекого младенца, когда их приведут в комнатку с десятком совершенно одинаковых орущих малышек.

Ка штудировал текст, листал страницу за страницей и в примерах, вместо слов «пациентка Л., 45 лет», вставлял «пациентка Н., 30 лет». Читал и понимал, что не про нее это. В какой-то момент чтение опротивело ему, и он перешел на Достоевского. Там, в учебнике по психиатрии, все выглядело так, будто люди рождаются для того, чтобы сходить с ума, тупо и жутко выставляя напоказ проявления своей болезни. А Достоевский показывал, как жизнь ломала людей и какие страсти разбивали их психику вдребезги. Больше всего из учебника психиатрии Ка поразил случай, когда пациентка «в тридцать лет неожиданно стала проявлять странную склонность: крала конфеты у маленьких детей». «Как это возможно? – думал Ка. – Она что, прокрадывалась тайком на детские дни рождения, пикники, терлась у стола и воровала сладости? Или дежурила у прилавка школьного буфета, сопровождая потом каждого ребенка, купившего шоколадку? Глупость какая! Это не Неля, совсем не Неля. В ее глазах стоит такой ужас, словно она воровала внутренности живого еще человека, а не какие-нибудь там чупа-чупсы».

Достоевский тоже мало чем помогал. У его сумасшедших было так много на это причин, что трудно было определить, с чего все началось. А уж кончалось все совсем для него неинтересно...

Ка долго курил и бесцельно шатался по комнате. Майские праздники, на несколько дней лишившие его работы, были успешно провалены. Таня куда-то укатила с подругами, к Артему он не пошел, к деду не поехал. А собственно, почему он не пошел к Артему? Вот дурак! Еще успею, решил Ка, забираясь под душ. Потом он оделся и, как-то бодро и непростительно для себя громко напевая, отправился на стоянку.

Что едет он в сторону загородного дома, а вовсе не к Артему, он обнаружил не сразу. Просто там, где нужно было повернуть вправо, повернул влево. А когда положение еще можно было исправить на следующем повороте, он его только усугубил, уверенно выбрав снова не то направление. Ему было немного страшно, немного неловко перед Нелей за свой допрос. Но его тянуло туда необыкновенно. Ведь Неля его снов была так дивно хороша. Даже нет, не была она ни хороша, ни красива. Она была самая обыкновенная. Но его, Ка, почему-то тянуло теперь к ней как магнитом. Как только память услужливо вырисовывала ее портрет, а делала она это слишком уж часто, сердце начинало кувыряться в груди, а потом долго не могло успокоиться. Он испытывал к Неле страстное желание. Это так по-человечески называется. Но по-человечески в этом процессе должны быть задействованы еще и мысли, планы, сознание. А у него было задействовано только странное внутреннее существо, о котором он лишь недавно узнал. Поэтому выходило, что желает он ее неосознанно, то есть не сам, а как-то навязанно со стороны. Кто же ему навязал это наваждение? Да неужели она?

2

– Ты извини меня...

– Да, я понимаю.

(Понимает!)

– Хотелось хоть что-нибудь о тебе узнать.

Опускает глаза.

– Может, что-нибудь скажешь?

Он опускает голову, пытаясь заглянуть ей в лицо. Чтобы заметить чуть теплящийся в ней кошмар, закипающий страхом от его слов.

– Ты хочешь выгнать меня?

(Ага! Выгнать! Значит, сама она уходить не собирается...)

– Нет, нет!

– Тогда что?

– Я хочу помочь тебе.

Сказал и удивился. Неужели это он сказал? И как искренне! Сам же и поверил! Как будто это шло изнутри. Опять изнутри!

– Я хочу помочь тебе.

Начинавший клубиться черный туман вдруг замер и пополз назад. «Помочь» – слово это упало в давно приготовленное гнездо ее сердца. Вот что ей нужно. Помощь. Нет, не там, где она будет разделяться со злом. Здесь и сейчас, чтобы встать наконец на ноги, чтобы перестать бояться за свой рассудок, за свою жизнь. Вот он стоит и ничего не боится. Не боится, потому что не знает. Сильный, потому что его это не коснулось. Она тоже когда-то считала себя сильной. Но ведь ей нужна помощь. Даже если для того, чтобы истребить окончательно зло, требуются сразу две жизни. Пусть будет маленький ад для двоих, но пусть не будет больше зла.

– Я была замужем, – сказала она. – Но муж – он сумасшедший. Но это давно и неважно. Моему сыну сейчас полтора года, и он живет у бабушки в другом городе. Я жила в Токсово, Комендантская гора, дом 1. А зло поселилось в Песочном...

Эта скороговорка запомнилась ему как молитва. Неля замолчала, и, откуда ни возьмись, спешит уже дед. Глянул на внука из-под нахмуренных бровей, посмотрел потом на Нелю и, уловив в ней какую-то не виданную ранее черту, позвал к столу.

– Я сейчас, сумку из машины достану, – пообещал Ка.

В машине он достал блокнот и судорожно записал все, что сказала ему Неля. Он принес продукты, пили чай, болтали о погоде. Неля почти не смотрела на него и не разговаривала с ним. А вот когда дед к ней обращался, даже смеялась. Удивительно она смеялась. Только какая-то трещинка была в ее смехе. Едва заметная, но если заметить и задуматься – такая тягостная. Когда Ка прощался, Неля посмотрела ему прямо в глаза и протянула руку. От ее руки не било током, как в его сумасбродных снах, но ее руку совсем не хотелось отпускать, хотелось притянуть ее к себе и сказать: «Ну, хватит валять дурака, мы ведь тысячу лет знакомы. Мы еще с той, прежней жизни знакомы. Ну расскажи, что с тобой стряслось, пока мы были в разлуке, пока не нашли друг друга...» А она смотрела на него, словно они заговорщики. Словно нельзя произносить вслух тех слов, которые они говорили друг другу в снах, или там, в другой жизни. Словно надо таиться до времени, а потом только окажется, что это действительно она, та Неля, из его снов и из его предыдущей жизни.

3

Он поднимался по лестнице, не дождавшись лифта, и держал в руках записочку, написанную самому себе: «Была замужем... зло поселилось в Песочном».

В принципе, конечно, можно рассматривать это как бред сумасшедшей. Но он почему-то рассматривал как шифровку резидента, он должен был подобрать шифр, он должен был понять смысл и прийти на помощь. Но ведь если это показать какому-нибудь психиатру, например Тамаре Петровне, тот безусловно решит, что Нелю необходимо госпитализировать. И его вместе с ней заодно. Тут он расхохотался, полез за ключами, а дверь его вдруг распахнулась: на пороге стояла Таня.

Трудно сказать, какой у Ка при этом был вид. Очевидно, такой, словно его накрыли с поличным. Таня стояла и грустно улыбалась.

– Ты совсем забыл обо мне.

– Ну как ты могла подумать? Я просто... Просто я...

– Не придумывай. Ты просто забыл.

– Да не о тебе я забыл, – все еще пытался оправдаться Ка. – Я про все на свете забыл..

Ну и сказал! Еще хуже стало.

– Таня, прости, я же никогда раньше...

– Раньше – никогда.

– Это случайность.

– Ты уверен?

Таня все-таки оставляла ему шанс.

– Ну конечно! – ухватился он за него. – Еще не поздно все исправить!

Он говорил, а сам прятал записку куда-то за спину, да так неловко, что вряд ли это ускользнуло от ее внимания, от ее шарящих глаз... Нет, она не обнаружила в нем ничего такого, что подтверждало бы его слова про случайность, про то, что он не забыл о ней. А потом подтверждало бы этот долгий поцелуй, начавший долгую певучую ночь, его желание, его ненасытность...

4

Ночь была долгой. Ему казалось, что конца ей не будет. Таня спала рядом, он ворочался с боку на бок, а ночь затягивала каждую минуту в вечность. Завтра – последний выходной. Потом – работа. Значит, только завтра он сумеет проверить... Что там она такое наговорила?

Он потихоньку встал, пытаясь не разбудить Таню, вышел на кухню и включил свет. Вот она – шифровка. И что мы имеем? Ненормальный муж? Чтобы проверить, нужна фамилия. Желательно – его. Значит, пока – не выйдет. Сын очень маленький и почему-то у мамы. Лишили родительских прав? Или как? Жила в Токсово! Вот это уже теплее.

– Таня, – сказал он, как только она открыла утром глаза, – это кофе.

– В постель? – в ужасе воскликнула Таня.

– А что? – он заглянул в чашку. – Мечта каждой женщины...

– Каждой женщины, которая не любит чистить зубы! Ни за что! Допинг принес, чтобы я скорее пришла в себя и убиралась? – спросила она то ли в шутку, то ли всерьез.

– Нет, нет, нет, – он был готов ко всему. С таким азартом он обычно вел самые сложные переговоры на работе. – Я собираюсь провести весь день, помогая ближним своим. И тебя бы с удовольствием приобщил. Звонил Артем. Он интересуется дачами. Хочет снять на лето. Сегодня они с детьми едут в Белоостров, а мы двинем в Токсово.

– Зачем?

– Чтобы сэкономить им время. За один день уьем сразу несколько зайцев в разных местах. Поедем?

5

Он ехал со скоростью сто километров в час, но ему казалось, что они не успеют. Что, как только подъедут к дому номер 1, его образ задрожит в воздухе и медленно растает.

Ровная дорога понеслась с горы на гору, что и означало Токсово. Лыжи, трамплины, что-то еще такое снежное и деревянно-палочное. По обе стороны дороги стояли группками игольчатые деревья: сосново-еловые. Мелькнула мысль: «А почему бы Артему действительно не снять здесь дачу? Места – чудесные, хвой – сколько хочешь, детям полезно».

Он несколько раз выходил из машины и расспрашивал прохожих, какая из здешних гор будет Комендантская. Практически никто ничего не знал. Прохожие оказывались такими же дачниками, рыскающими в поисках уютного гнездышка на лето. А местные жители объясняли все настолько путанно, что Ка несколько раз заезжал в тупики. У озера какой-то рыбак ткнул пальцем в нужную гору и вдруг задумался:

– Да вроде нет там первого дома...

И действительно. На Комендантской горе первого дома не было. Вот так! И выходной пропал. Понимал же – бред! Но на всякий случай он вышел, прогулялся по улице. Таня тоже вышла и спрашивала теперь у женщины из соседнего дома, где здесь поблизости сдают дачи.

«Значит, девушка бредила. Просто бредила, – решил он. – Просто бредила. Или издевалась? Сумасшедшие не издеваются, они живут и ежечасно бредят...»

Когда ехали обратно, Таня спросила:

– Ты недоволен? Мы ведь им пять адресов нашли. И места красивые, и цены смешные.

– Доволен.

– Устал?

– Да, наверно. Я уже весь целиком в завтрашнем дне.

– А кто дал тебе тот первый адрес на Комендантской горе?

– Какая разница. Пошутили люди.

– Может быть, они просто давно здесь не были? – спросила Таня.

– Что значит «давно не были»?

– Мне соседка рассказала, что первый дом еще два года назад существовал...

Он сильнее сжал руль и сосредоточился, чтобы не повернуть вот так сразу назад, а сначала придумать для Тани какое-нибудь более-менее убедительное объяснение. А Таня между тем продолжала:

– В этом доме жила семья. Хозяин умер лет пять назад. Остались мать и дочь. Дочь через какое-то время вышла замуж, а мать не захотела жить одна, бросила все и уехала к сестре в Подмоскowie. А рядом в то время решили больницу строить и, представляешь, по ошибке начали ломать не старый домик, где фельдшер помещался, а этот, первый. Как разнесли крышу и стены да увидели, что там еще мебель кое-какая осталась, так и поняли, что ошиблись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.